

СЕРИЯ «РЕЛИГИОЗНЫЕ МЫСЛИТЕЛИ»

В серии публикуются труды
известнейших современных
религиозных философов и мыслителей,
размышлявших о судьбах христианства
и христианской цивилизации.

В ней также публикуются
современные исследования философского
и богословского наследия российских

и мировых мыслителей.

Natalino Valentini

PAVEL A. FLORENSKIJ

Morcelliana

РЕЛИГИОЗНЫЕ МЫСЛИТЕЛИ

НАТАЛИНО ВАЛЕНТИНИ

ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

ББК 86.37
УДК 276
В 152

SEPS – SEGRETARIATO EUROPEO PER LE PUBBLICAZIONI
SCIENTIFICHE

Via Val d'Aposa 7 – 40123 Bologna – Italy
seps@seps.it – www.seps.it

Перевод: Ольга Хмелевская

Данный перевод книги Наталино Валентини
Pavel A. Florenskij
публикуется с согласия издательства
Morcelliana

Валентини Наталино
Павел Флоренский / Пер. с ит. (Серия «Религиозные
мыслители»). — М.: Издательство ББИ, 2015. — xii + 191 с.

ISBN 978-5-89647-324-4

Книга современного итальянского философа Наталино Валентини — глубокий биографический очерк о «русском Леонардо», гениальном мыслителе Павле Флоренском. Реконструируя его биографию, Валентини подчеркивает не только глубину мысли, но и цельность трагической судьбы священника, философа, богослова. К монографии прилагается Введение к богословской диссертации Флоренского «О духовной истине».

Верстка: Андрей Кондаков
Обложка: Элла Раскина

Все права защищены.

*Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети Интернет,
без письменного разрешения владельцев авторских прав.*

© Morcelliana, Brescia, 2004

© Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2015
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316, Россия
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

Содержание

<i>Предисловие к русскому изданию</i>	vii
I. Величие и дар мученичества веры	1
1. Встреча Афин с Иерусалимом	3
2. Верность истине до конца	6
3. Телесное переживание богословия креста	12
4. Жизненный путь: с Кавказа на Соловки	18
II. На путях «конкретной метафизики»	30
1. От математики к новой концепции мира	30
2. Принцип прерывности как критерий понимания реальности	38
3. Научное мировоззрение: между мистикой и реальностью	46
4. Символический путь к субстанциальному единству	54
5. Воплощенный символ	62
6. Церковь, христианство и культура	70

III. Откровение истины как любовь	85
1. Формы рациональности и критика рационализма	85
2. Откровение истины	100
3. Философия единосущия	113
4. Краткие выводы	120

Павел Флоренский

Разум и диалектика

Вступительное слово пред защитой на степень магистра книги «О духовной истине»	127
---	-----

<i>Примечания</i>	153
-----------------------------	-----

<i>Библиография</i>	159
-------------------------------	-----

Предисловие к русскому изданию

Для меня радость и большая честь предложить вниманию русского читателя одну из моих монографических работ об отце Павле Флоренском. Интерес к жизни и деятельности гениального русского мыслителя XX века пробудился у меня в конце 1980-х годов, благодаря лекциям философа Итало Манчини и мудрому руководству Нины Каухчишвили, инициатору первой международной конференции, посвященной Флоренскому (Бергамо, январь 1988 г.), и одной из первых его итальянских исследователей.

Забытый более чем на полстолетия, Флоренский в последние двадцать лет был, наконец, открыт большинством стран Европы, и прежде всего Италией, как один из величайших мыслителей

XX века. С тех пор увидели свет почти все самые значительные его научные, философские и богословские произведения, раскрывшие истинные масштабы этого «гиганта мысли». Это впечатляющее культурное и духовное наследие породило в последние два десятилетия многочисленные и многообразные исследовательские направления.

Настоящая публикация лишь очередной этап захватывающего следования по пути мысли отца Павла Флоренского, которое продолжается уже более двадцати пяти лет¹, даря удивительное ощущение, что ты еще в начале пути. И это чувство связано не только с обширностью и разнообразием работ нашего автора, но и с тем, что в каждом его произведении сталкиваешься с поразительным наслоением разных уровней интерпретации. Тем самым каждое новое прочтение откры-

1 Кроме этой монографии мной было написано около пятидесяти работ, посвященных творчеству Флоренского, из которых позволю себе привести следующие: *Memoria e Risurrezione in Florenskij e Bulgakov*, Ed. Pazzini, Rimini 1997; *Pavel A. Florenskij: la sapienza dell'amore. Teologia della bellezza e linguaggio della Verità*, EDB, Bologna 1997. Nuova edizione (riveduta e aggiornata), Bologna 2012; *L'arte di vivere. Sei lezioni su P.A. Florenskij*, ed. a cura della "Comunità dei Figli di Dio", Firenze 2009; *Florenskij. L'arte di educare, (raccolta antologica)*, Ed. La Scuola, Brescia 2015. Кроме того, готовится к изданию работа *La filosofia dell'Amicizia in Pavel A. Florenskij e nel pensiero russo*.

Предисловие к русскому изданию

вает новый опыт познания и новые горизонты герменевтики как интерпретации бесконечной и неисчерпаемой диалектики мысли и жизни.

В данной работе я впервые попытался соединить некоторые, показавшиеся мне наиболее характерными, черты религиозной философии отца Павла Флоренского, задуманной и осуществленной как герменевтика Откровения, в центре которой стоят конститутивные отношения между Словом и Традицией и которая сочетает смелость теоретического разума с предельным аскетическим напряжением, строгость интерпретации — с изумлением созерцания. Эта религиозная философия основана на «конкретной метафизике», радикально отличающейся от метафизики западной философской традиции и глубоко укорененной в христианском реализме и символизме, в его аутентичной антиномичной и парадоксальной сущности. Флоренскому как мало кому из христианских мыслителей XX века удалось со всей деликатностью ввести теоретический и практический опыт любви в основание нового мышления, избежав при этом опасностей абстрактной назидательности или духовного эскапизма. Ключ к пониманию богословия отца Павла — герменевтика любви как опорная точка опыта откровения

и познания, постижение любви, которое возвращает христианской мысли ее первоначальное христологическое и сапиенциальное (библейски мудрое) измерение, восстанавливает ее связь с источником — тайной троичной любви.

В современной русской культуре общепризнано, что Флоренский в поисках новых моделей разума и рациональности одним из первых мыслителей XX века разработал теорию познания, исходя из обновленной эпистемологии символа и радикальной критики абстрактного рационализма. Это одна из причин, почему Флоренского можно считать пионером нового направления в философской и богословской мысли, которое учитывает глубокие преобразования в современной науке и культуре и потому способно установить с ними совершенно особые, уникальные отношения.

Исследовательский метод Флоренского, формировавшийся на протяжении всей его жизни, начиная с университетского периода и заканчивая химической лабораторией в Соловецком ГУЛАГе, включал в себя многие научные дисциплины и находил приложение в самых разных сферах практической деятельности. Большинство критиков, однако, продолжает пользоваться отраслевым и частным подходом в ущерб инте-

гральному, «цельному мировоззрению», особенно близкому русскому философу. Данная работа, в сжатом виде и, конечно, не исчерпывая вопроса, вносит свою лепту в развитие этого направления.

Павел Флоренский одним из первых русских религиозных философов с интеллектуальной смелостью открыл православную христианскую традицию вызовам и проблемам современного мира, никогда не отступая при этом от доктринальных основ, но переосмысливая актуальность их содержания в более широкой гносеологической перспективе. Его идеи и оптика исследований, предвосхитившие многие современные научные направления, выглядят смелыми и инновационными, особенно в контексте нынешних дискуссий об отношениях между наукой и верой, философией и откровением. Этот опыт мышления, столь оригинальный и редкий даже внутри православия (в прошлом и настоящем), вызывает не только восхищение и признательность, но и подозрительность и возражения. Богословские работы Флоренского, как и философские, научные, — это постоянное приглашение к подлинному, универсальному видению христианской веры, которое остро и глубоко охватывает богатства византийско-православной традиции, но в то же время

Наталино Валентини

столь же внимательно и открыто культурному и экуменическому опыту западного христианства.

Несмотря на сохраняющееся до сих пор недоверие, Флоренский остается для нас драгоценной жемчужиной в русской религиозной философии XX века и одним из самых авторитетных собеседников, помогающих более полно почувствовать и понять настоящие и грядущие судьбы России, ее философской и церковной культуры.

Надеюсь, что мой скромный труд в некоторой мере будет способствовать развитию диалога и полезного общения между российскими и итальянскими мыслителями не только с точки зрения бесценного культурного наследия прошлого, но и настоящего. В этой связи хотелось бы особо поблагодарить ректора Алексея Бодрова и Библейско-богословский институт св. апостола Андрея в Москве за публикацию этой работы.

Наталино Валентини, 21 июля 2015 г.

I. Величие и дар мученичества веры

После пятидесяти лет практически полного забвения о. Павел Флоренский сегодня наконец снова вернулся к нашим современникам как один из выдающихся мыслителей XX века, человек универсальных знаний: физик, математик, философ науки, инженер-электротехник, эпистемолог, богослов, философ религии и языка, теоретик искусства, исследователь эстетики, археологии, символики и семиотики. В последние годы постепенно начали проявляться отдельные стороны его огромного научного, философского и богословского наследия¹,

¹ Корпус трудов Павла Флоренского насчитывает более тысячи произведений — статей, эссе, научных трактатов,

что позволяет увидеть и оценить всю меру его таланта. Это внушительное культурное и духовное наследие на протяжении последних пятнадцати лет было предметом большого числа исследований, освещалось с самых разных сторон² и даже было упомянуто в энциклике *Fides et ratio* («Разум и вера») как смелая попытка плодотворно сблизить разум и откровение, философскую пытливость и опыт веры.

часть из которых еще не издана. Из самых систематических и полных издательских проектов следует назвать собрание сочинений П. А. Флоренского в четырех томах (далее *Сочинения*) под общей редакцией игумена А. Трубачева, М. С. Трубачевой, П. В. Флоренского, вышедшее в Москве в издательстве «Мысль»: 1 (1994), 2 (1996), 3 (1998), 4/1 и 4/2 (1999). В четвертом томе собраны все лагерные письма Флоренского к семье, а в других — более 80 работ из области философии, богословия и науки, написанных в период с 1904 по 1932 годы. К этим пяти внушительным фолиантам (каждый из них насчитывает около 700 страниц) добавлен шестой: *Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии*, М.: Мысль 2000. Тех, кто хочет подробнее ознакомиться с содержанием этих томов, отсылаем к библиографии, приведенной в конце данной книги.

- 2 В последние годы было опубликовано множество работ, причем не только в России, но также в Германии, Италии и других европейских странах. См. библиографию к настоящему изданию.

1. Встреча Афин с Иерусалимом

Не перестает удивлять широта научных интересов Флоренского в сочетании с уникальной эрудированностью и владением самыми разными формальными научными регистрами, удивлять как с точки зрения оригинальности мысли и интуиции, так и с точки зрения гениальности междисциплинарного подхода, ценность и актуальность которого сохраняется до сегодняшнего дня. Возможно, именно в силу этой разносторонности уже в первые десятилетия XX века современники стали называть Флоренского «русским Паскалем» и «русским Леонардо», осознавая, что его труды можно поставить в один ряд с произведениями Августина и Платона. Но больше всего в его научном подходе поражало, как вспоминает его друг Сергей Булгаков, «полное овладение предметом, чуждое всякого дилетантизма», а по широте своих научных интересов он был «редким и исключительным полигистром, всю меру которого даже невозможно определить за отсутствием у нас полных для этого данных»³.

3 С.Н. Булгаков, «Священник о. Павел Флоренский», в: *Вестник русского христианского движения*, 101–102 (1971), с. 126–137, цит. с. 128.

Но его идеи не столько конкурируют с прозрениями великих мыслителей прошлого, сколько предвосхищают многие аспекты современных научных исследований. Солидная математическая подготовка и любовь к этой дисциплине, которую он пронесет через всю жизнь, позволят ему сделать несколько важных технических изобретений в области прикладной физики. Одновременно Флоренский исследует самые сокровенные пласты культуры и искусства, следует по узким тропам философии и богословия, разрабатывает собственную теорию познания исходя из новой символической эпистемологии, сочетая критическую переоценку умозрительного рационализма с поиском новых моделей и оснований для познания и рациональности. Он переориентировал богословие и философию, связав их многими нитями с культурой и современным научным знанием, — шаг беспрецедентный и имеющий далеко идущие последствия.

Несмотря на то что в силу трагических событий он не довел до конца некоторые свои исследования, его жизнь и дело можно считать единым и нерасторжимым целым, цель-

ной и несравненной по своей воздушности тканью, которая, как он сам бы сказал, скорее напоминает кружева, в которых нити сплетаются причудливым образом, производя сложные и разнообразные узоры. Эта метафора хорошо выражает идею взаимопроникновения и живой связи между интенсивной работой теоретической мысли и духовной глубиной существования, между спекулятивной строгостью и страстным *следованием* за Христом. В философии отца Павла Флоренского, мученика Православной церкви, умевшего воспринять истину, принять и исповедовать ее в те трагические годы, жизнь и мысль, вера и разум, христианство и культура, слово и дело, чувство и понимание, анализ и интуиция, научное изобретательство и художественное творчество составляют единую и неделимую реальность, единое органическое и живое единство. В нем «встретились и по-своему соединились культурность и церковность, Афины и Иерусалим, и это органическое соединение само по себе уже есть факт церковно-исторического значения»⁴.

4 С.Н. Булгаков, *Священник о. Павел Флоренский*, с. 131.

На поле этой интенсивной работы попытки теоретически обосновать существующую живую связь между научной логикой и рациональностью, разумом и верой, культурой и Евангелием, опытом и откровением вырастет интерес к христианской культуре, который затем будет конкретизирован в окончательном выборе священства — пути, по которому он твердо пройдет до самого конца невзирая на суровые преследования.

2. Верность истине до конца

Когда мы сегодня рассматриваем жизнь этого выдающегося богослова, философа и ученого XX века, нас больше всего поражает даже не широта его познаний, а «исповедальная» сторона его жизни, его твердая приверженность истине, за которую он готов был заплатить кровью. В начале двадцатых годов Флоренский с пророческой ясностью и уверенностью записал в одном из своих дневников: «Ни за что на свете не предавай свои убеждения. Помни, что любой компромисс влечет за собой новый, и так до

бесконечности»⁵. Этот призыв к себе самому оставаться верным истине и не отречься от нее ни при каких обстоятельствах можно считать самым сокровенным и радикальным девизом всей его жизни.

Вся жизнь Павла Флоренского была пламенным поиском истины и полным посвящением ей. Как сам он признается своим детям в мемуарах⁶, с самого раннего детства он был потрясен присутствием тайны в самых простых земных вещах и все свои силы положил на поиск истины и того смысла, которым она наполняет жизнь. Эта истина является не *тождественностью*, формальным логическим соответствием между словом и явлением, а скорее глубокой привязанностью к конкретным изгибам реального, к внутреннему смыслу жизни и истории, верностью своим убеждениям вплоть до постепенного понимания реального соответствия между истиной и жизнью: «Истина — жизнь, — много раз в день говорил

5 См. “Non tradire le tue convinzioni...’ La verità sulla fine di Pavel Florenskij”, in *L’Altra Europa*, 1 (235), XVI (1991), p. 35.

6 П. А. Флоренский, *Детям моим. Воспоминания прошлых дней*, М.: Московский рабочий, 1992.

себе я, — Без истины жить нельзя. Без истины нет человеческого существования». Это было ясно до ослепительности; но на этих и подобных утверждениях мысль останавливалась, натываясь каждый раз на какое-то непреодолимое препятствие»⁷. Этот теоретический и практический поиск истины, который во многих своих аспектах напоминает *Исповедь* св. Августина — путь, полный страсти и внутренних борений, почти соприродный антиномичной сущности истины, — захватывает Флоренского без остатка⁸.

Жажда истины, остро испытанная еще в юные годы, с годами станет все более сильной и подтолкнет Флоренского в зрелой фазе его философской рефлексии к решительным действиям теоретического и практического плана, станет для него фактически последним пробным камнем его существования. Усвоив теорию о «заместительных» страданиях и взятии на себя вины и страданий дру-

7 П.А. Флоренский, *Детям моим...*, с. 305.

8 В этом смысле знаменательно признание, сделанное в заключительной части воспоминаний: «Истина недоступна» и «невозможно жить без истины» — эти два равно сильных убеждения раздирали душу и ввергали в душевную агонию», *ivi*, с. 302.

гих людей, он примет как свою собственную (на собственном теле) трагическую судьбу России и ее страдания, соглашаясь на жизнь в «изгнании» и «уничижении». Уже во время первого ареста в 1928 году он чрезвычайно ясно понимал, в чем состоит вызов, и писал в письме из тюрьмы: «Были праведники, которые с особой остротой ощущали зло и грех, присутствующие повсюду, и в своем сознании не отделяли себя от этой поврежденности мира; с огромной болью они брали на себя ответственность за грех всех людей, как будто это был их личный грех, движимые неодолимой силой, заключенной в необычной структуре их личности»⁹.

После освобождения из тюрьмы он несколько раз отказывался от возможности уехать в Париж, хотя прекрасно осознавал опасность, нависшую над церковной культурой и над собой лично, поскольку решил до конца разделить судьбу своего народа

9 [Письмо цит. по: Джованни Гуайта, *Сопротивление верующих на примерах Павла Флоренского и Александра Меня*. Электронный ресурс: http://www.damian.ru/Cerkov_i_sovremennost/guaita/resistance.html. — Прим. пер.] См.: V. Šentalinskij, "Il Leonardo russo. Il fascicolo di Pavel Florenskij", in Id., *I manoscritti non bruciano. Gli archivi letterari del KGB*, Milano: Garzaniti, 1994, p. 192.

и своей страны. По этому поводу С. Булгаков писал: «О. Павел органически не мог и не хотел стать эмигрантом в смысле вольного или невольного отрыва от родины, и сам он, и судьба его есть слава и величие России, хотя вместе с тем и величайшее ее преступление»¹⁰. Даже после второго ареста 28 мая 1933 года Флоренский не согласился, чтобы за него вступились и помогли ему освободиться; свое решение он аргументировал словами апостола Павла (см. Флп 4:11–13). Ему представлялось недопустимым бегство ради собственного спасения; когда кто-то из его студентов и духовных детей спрашивал его совета, остаться или уехать, он отвечал так: кто находит в себе мужество, должны остаться, а те, кто чувствует страх и неуверенность, могут уехать¹¹. Он никого не убеждал остаться. Верность зову совести, особенно в страданиях, требует свободы более совершенной. Флоренский сознательно шел по этому крестному пути, соглашался на все

10 С.Н. Булгаков, *Священник о. Павел Флоренский*, с. 134.

11 См. А. Трубачев, "Father Pavel Florenskij: That You Remember the Lord...", in *The Journal of the Moscow Patriarchate*, 1 (1991), 42.

унижения и мучения, о которых мы узнаем из его писем близким из ГУЛАГа¹², настроение которых становилось все тяжелее. В итоге он принял мученический венец, дав шанс освободиться некоторым из своих сокамерников, о чем мы узнаем из документов рассекреченного только в 90-е годы фарсового процесса¹³.

За несколько месяцев до расстрела о. Павел Флоренский в одном из лагерных писем принавал с полным трагическим осознанием своей участи: «Удел величия — страдание, страдание от внешнего мира и страдание внутреннее, от себя самого. Так было, так есть и так будет. [...] Ясно, что свет устроен

12 См. П. А. Флоренский, *Все думы — о вас. Письма семье из лагерей и тюрем 1933–1937 гг.*, М.: Сатисъ, 2004; ит. изд. P. A. Florenskij, *“Non dimenticatemi”. Dal lager staliniano le lettere alla moglie e ai figli del grande matematico, filosofo e sacerdote russo* (a cura di N. Valentini e L. Žák), A. Mondadori, Milano, 2000.

13 Как следует из секретных материалов архива КГБ, рассекреченных и переданных близким родственникам Флоренского через 50 лет после его трагической гибели, против священника было сфабриковано обвинение, которое тот после некоторых колебаний признал, думая, что тем самым может помочь некоторым другим заключенным выйти на свободу. Важные документы, связанные с этим процессом, опубликованы В. Шенталинским в главе «Русский Леонардо» из книги *Рабы свободы*, М.: Прогресс-Плеяда, 2009.

так, что давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонением. Чем бескорыстнее дар, тем жестче гонения и тем суровее страдания. Таков закон жизни, основная аксиома ее... За свой же дар, величие приходится расплачиваться кровью»¹⁴. Сталинская тоталитарная машина поглотила Флоренского, тем самым явив смысл «величия» как самопожертвования, свидетельства святости и мученичества в XX веке. Этот последний и трагический акт человеческой истории можно принять как герменевтический критерий для реинтерпретации всего теоретического и экзистенциального пути, от поисков оснований истины до ее полного искоренения в ГУЛАГе.

3. Телесное переживание богословия креста

Узнав спустя многие годы о гибели отца Павла, богослов Сергей Булгаков, вспоминая своего друга, говорил: «Он отошел, озаренный ореолом больше чем мученика, но ис-

¹⁴ П.А. Флоренский, *Все думы — о вас...*, указ. соч., с. 228; P.A. Florenskij, *“Non dimenticatemi”...*, cit., с. 375.

поведника имени Христова в антихристово гонение». И продолжает: «... из всех моих современников, которых мне суждено было встретить за мою долгую жизнь, он есть величайший, и величайшим является преступление поднявших на него руку, обрекших его хуже чем на казнь, но на долголетнее мучительное изгнание и медленное умирание. [...] Отец Павел был для меня не только явлением гениальности, но и произведением искусства: так был гармоничен и прекрасен его образ. [...] Настоящее творчество о. Павла не суть даже книги, им написанные, или его мысли и слова, но он сам, вся его жизнь»¹⁵.

Никому не могло бы прийти в голову, что смелые и пламенные размышления, собранные в главном труде Флоренского *Столп и утверждение истины*, вдохновленные долгими и мучительными поисками истины как «огня пожирающего» и возможности полного принятия ее света, через 20 лет приведут автора к принятию мученического венца и самопожертвованию. Эта истина касается самой жизни человека, и Флоренский,

15 С.Н. Булгаков, *Священник о. Павел Флоренский*, с. 128, 134.

философ *единосущия* и премудрости троичной любви как «самоотдачи», прекрасно понимает, что опыт христианской веры — не пустой антураж или риторика, а сама ткань жизни, которая раскрывает свое значение в полноте дара, поскольку в конечном итоге «вера, которую мы спасаемся, есть начало и конец креста и со-распинания Христу»¹⁶. Но последние письма из лагеря напоминают нам также и о том, что парадоксальным образом судьба этого дара в мире — быть осмеянным и отвергнутым. Крест как любовь — вот подлинный парадокс и истинная антиномия разума.

«Величие», о котором говорит Флоренский, при ближайшем рассмотрении есть не что иное, как сам опыт святости, который дает дар любви «до конца» (см. Ин 13:1), то есть до креста. Он подлинный богослов креста, переживаемого в теле, — пожалуй, единственно возможного, в котором любовь доводит до высшего совершенства дар, даже если «свои не приняли его» (Ин 1:11). Крайний жест заступничества — отдать себя

16 П. Флоренский, *Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи*, М.: АСТ, 2003, с. 77.

за других, и Флоренский совершает этот жест, сознавая, что его «величие» будет подлинным лишь в том случае, если оно будет отдано без всяких условий, вплоть до пролития крови. Отец Павел прекрасно знает, что если горчичное зерно, упав в землю, не умрет, оно останется одно, а если умрет, то принесет много плода, распространит жизнь и надежду на то, что ничто в мире не утрачено и все имеет смысл: «Все происходящее имеет свой смысл и делается так, что в общем итоге жизнь направляется к лучшему. [...] Ничего не уходит совсем, ничего не пропадает, а где-то и как-то хранится. Ценность пребывает, хотя мы и перестаем воспринимать ее. И подвиги, хотя бы о них все забыли, пребывают как-то и дают свои плоды»¹⁷.

Письма, написанные из соловецкого лагеря в последние пять лет жизни, оборвав-

17 П. Флоренский, *Все думы — о вас...*, с. 347, 95. В один из последних дней, проведенных в Сковородино в ожидании высылки на Соловки, о. Павел повидался со своими детьми и говорил во время прогулки дочери Ольге о том, что в эту страшную эпоху каждому следует отвечать за себя. И затем в ответ на некоторое замечание дочери ответил, что для него единственный голос, за которым следует идти, — это голос Божий. См. "Martirologio di Leningrado", in *Introduzione a "Non dimenticatemi..."*, p. 25 и n. 40.

шейся расстрелом 8 декабря 1937 года, свидетельствуют о муках тюремной жизни и страданиях от «ненавистой глупости»¹⁸, трагического по своей бессмысленности поведения людей¹⁹. В этом потрясающем памятнике эпистолярного жанра Бог остается не названным — и в силу жесткой цензуры, и потому, что богословие Флоренского, которое в этих жестких рамках не имело возможности прямого выражения, стало как никогда интенсивным и чувствительным к самым тонким граням бытия конкретного человека. Трогательно видеть, как он обходными путями говорит о Боге, не называя его по имени, в каждом воспоминании о дереве, о красоте восхода и заката, в каждом упоминании о «высшей воле», в каждом проявлении нежности к детям и вообще в каждом слове, пытающемся нащупать смысл жизни.

18 П. А. Флоренский, *Все думы — о вас...*, с. 167.

19 «Меня поражает бессмысленность человеческих действий, не находящих себе оправдания даже в своекорыстии, поскольку люди действуют в ущерб и собственным своим интересам. О моральной стороне говорить не приходится. Сплошное клятвопреступление, обман, убийства, низкопоклонничество, отсутствие каких бы то ни было устоев». Флоренский П. А., «Письма с Дальнего Востока и Соловков», в: *Сочинения*, т. 4, М.: Мысль, 1998, с. 692.

Для Флоренского «величие» как «дар» раскрывает саму природу святости как состояния бытия, фундаментальной чертой которого является свидетельство. Это видно на примере писем из ГУЛАГа, в которых он приводит цитаты из своих прежних богословских работ, где эксплицитно говорится о *свидетелях*²⁰. Каждый христианин призван быть свидетелем в этой земной реальности невидимого, поскольку святые творения, по существу, являются «зримыми свидетелями незримого мира». Свидетель в изначальном смысле этого слова — *martyr*²¹. Мученик — это наиболее аутентичный и достоверный свидетель богооткровенной истины, кото-

20 См. П. А. Флоренский, «Свидетели», в: *Id.*, *Из богословского наследия свящ. Павла Флоренского* (см.: *Богословские Труды*, 17, 1977, с. 156–172). Речь идет о четвертой главе из неоконченной книги *Философия культа* — несомненно, одного из важнейших богословских трудов последнего периода жизни Флоренского.

21 Для сравнительного экуменического исследования христианского мученичества в XX веке на примере нескольких ключевых для христианского богословия фигур (П. А. Флоренского, Эдит Штайн, Д. Бонхеффера и др.) см. AA.VV., *Testimoni dello Spirito. Santità e martirio nel secolo XX* (a cura di N. Valentini, con contributi di A. Riccardi, C. Bettinelli, G. Bellia, L. Mirri, L. Lucci, E. Bianchi), Paoline, Milano, 2004; G. Lorizio, “Teologia fondamentale”, in AA.VV., *La teologia del XX secolo. Un bilancio* (a cura di G. Canobbio e P. Coda), Città Nuova, Roma, 2003, pp. 391–420.

рый проповедует не только словом, но прежде всего пролитой кровью, ставшей словом жизни по примеру крови первого Свидетеля (Деян 1:5; Ин 18:37). Иисус Христос, пришедший в мир засвидетельствовать истину, делал это не только словом, но, поскольку «Слово стало плотью», всей своей жизнью вплоть до креста дал свидетельство тому, что он и Отец — одно.

В этой экстремальной попытке мыслить, принимать истину и свидетельствовать о ней изнутри трагедии, возможно, сокрыт подлинный и сокровенный смысл писем из ГУЛАГа и вообще всего творчества Флоренского. В нем через мотивы личной биографии происходит слияние со страданиями Христа; Флоренский — *свидетель*, и, даже не называя Христа по имени, вмурованный в ледяную глыбу лагерного отчаяния, он доказывает это каждым своим повседневным жестом, каждым актом самоотречения.

4. Жизненный путь: с Кавказа на Соловки
Флоренский родился в местечке Евлах (сегодняшний Азербайджан) 9 января 1882

года в семье Александра Ивановича Флоренского (1850–1908), инженера железной дороги, и Ольги Павловны Сапарьян (1859–1951). Ранние детские и юношеские годы он провел в Тифлисе и Батуми вместе со своими братьями и сестрами: Юлией, Елизаветой, Александром, Ольгой, Раисой и Андреем. Как он сам много раз вспоминает в своих мемуарах, контакт с кавказской природой оставил неизгладимый след в его душе, способствовал развитию «мистического» и «символического» восприятия реальности и решающим образом повлиял на его философские и богословские идеи. Начальное и гимназическое образование он получил в Тифлисе (куда переехал вместе с семьей). Там его товарищами по лицу были А.В. Ельчанинов и В.Ф. Эрн, которые впоследствии станут видными представителями русской религиозной мысли, и Д.Д. Бурлюк, родоначальник кубофутуризма. В лицее Флоренский увлекался главным образом классическими языками, но он также самостоятельно занимался точными и естественными науками — ботаникой, геологией, математикой и физикой. После

того как его позитивистское мировоззрение претерпело серьезный кризис, а также под воздействием общения с Львом Толстым он начал всерьез рассматривать возможность пути церковного служения.

Но главный интерес по-прежнему вызывали вопросы науки и логики, и потому в 1900 году Флоренский поступил на физико-математический факультет Московского университета. Там он изучал среди прочего теорию множеств Кантора, монадологию и аритмологию. В рамках своих исследований Флоренский предпринял попытку сойти с позиций строгого позитивизма и механицизма, широко распространенного в русской культуре рубежа веков. В те же годы он слушал лекции по античной философии С.Н. Трубецкого и по психологии Л.М. Лопатина на историко-филологическом факультете, и это подтолкнуло его к принятию вызова модернизма и попыткам построить новую концепцию мира.

Блестяще закончив свое университетское обучение, Флоренский отказался от академической карьеры и в 1904 году поступил в Московскую духовную академию. При этом

он продолжал общаться с представителями московской интеллигенции²², занимался философией символизма, вопросами теории познания, истории философии (отдавал предпочтение Платону и Канту), археологией, еврейским языком и культурой. К этому периоду относятся первые философско-богословские и духовные эссе²³. С 1903 года он — член кружка символистов, где особо сблизился с поэтом А. Белым²⁴ — их дружба будет остывать по мере того, как Белый все более будет погружаться в антропософию Р. Штайнера. В 1908 году Флоренский завершил курс богословия и защитил диссертацию на тему *О религиозной истине*, после чего получил должность преподавателя на кафедре истории философии в Духовной академии. В этот период он активно посещал кружок славянофилов М. А. Новоселова,

22 В особенности с кругом литераторов-символистов (В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, А. А. Блок).

23 Особого интереса заслуживают работы: *Спиритизм, как антихристианство* (1904); *Об одной предпосылке мировоззрения* (1904); *О символах бесконечности* (1906). Все эти работы опубликованы в: *Сочинения*, т. 1.

24 К этому периоду относится лирическая поэма *Эсхатологическая мозаика*, которая была написана, безусловно, под влиянием поэтики символизма.

который объединял узкий круг богословов, философов, ученых и крупных государственных и церковных деятелей (таких, как Ф.Д. Самарин, братья Е.Н. и С.Н. Трубецкие, С.Н. Булгаков, В.Ф. Эрн, епископ Феодор Поздевский и др.), вынашивавших идею реформы государственного устройства России и обновления церкви.

23 августа 1909 года, через несколько месяцев после получения богословского диплома, Флоренский женился на А.М. Гиацинтовой (1889–1973); у супругов будет пять детей. В 1911 году он был рукоположен в священники и назначен редактором «Богословского вестника», крупнейшего издания Духовной академии. Флоренский радикально изменил тематику и направленность этого журнала. В 1914 году он опубликовал в издательстве «Путь» книгу *Столп и утверждение истины*²⁵, которая представляла собой докторскую диссертацию с некоторыми исправлениями и уточнениями. Эта работа, замечательная и новаторская как стилистически, так и содержательно, вызвала

25 П. Флоренский, *Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи*, М.: АСТ, 2003.

сильный общественный резонанс и до сих пор считается одним из важнейших произведений русской религиозно-философской мысли начала XX века. В этот же период он составляет том материалов к лекциям о платонизме и о «многоединстве» — принципе, логические и онтологические импликации которого он переосмысливает с точки зрения божественного триединства²⁶. За этим первым этапом, посвященным преимущественно проблемам *теодицеи*, постепенно наступает второй, который сам Флоренский называет *антроподицей*²⁷. На этом этапе он уделяет большое внимание философской антропологии, философии языка и науки, а в центр ставит проблему символа и воплощения формы.

После революции 1917 года и крушения старого режима жизнь Флоренского ради-

26 См. П. А. Флоренский, «Смысл идеализма», в: *Сочинения*, т. 3, ч. 2, с. 68–144.

27 О различении между «теодицей» и «антроподицей» в трудах Флоренского см. важные уточнения в эссе *Разум и диалектика*, которое публикуется в настоящем издании. Широкий контекст этой двойной перспективы в мысли Флоренского представлен в статье F. J. López Sáez, “Verso la filosofia del culto. L’itinerario teologico-spirituale di padre Florenskij dalla ‘teodicea’ all’ ‘antropodicea’”, in AA.VV., Pavel Florenskij, in *Humanitas*, LXIII, 4 (2003), pp. 715–732.

кально изменилась: в 1919 году была закрыта Духовная академия, новая власть установила строгую цензуру, но при этом стала приглашать Флоренского на ответственные должности, где он мог применить свои широкие научные познания. В отличие от многих других русских интеллектуалов, выбравших эмиграцию, Флоренский убеждает себя в необходимости сопротивляться изнутри, быть плечом к плечу с народом, павшим жертвой насилия и обмана, и тем самым постепенно подрывать ущербный механизм советской идеологии. Между тем он получил назначение ученым секретарем в Комиссию по сохранению памятников искусства и старины при Троице-Сергиевой лавре, что дало ему возможность более внимательно и строго научно изучать взаимосвязь между литургией и иконографией²⁸. С 1920 года Флоренский стал заведующим лаборатории испытания материалов на заводе «Карболит», работа которого была связана с осу-

28 Из значительных сборников, представляющих это направление исследований, вспомним «Иконостас» (*Сочинения*, т. 2, с. 419–526); «Обратная перспектива» из сборника *У водоразделов мысли* (см.: *Сочинения*, т. 3, ч. 1, с. 46–100).

ществлением плана ГОЭЛРО. В 1921 году он стал профессором на специально для него созданной кафедре анализа пространственности в художественных произведениях при ВХУТЕМАСе. За четыре года преподавания в мастерских Флоренский стал духовным отцом для многих членов литературно-художественного объединения «Маковец».

Помимо трудов по философии языка, теории искусства и пространства, публиковавшихся и имевших большое научное значение²⁹, Флоренский сделал целый ряд важных научных открытий, разработал теорию и практику применения полупроводников, создал особый вид пластмассы — карболит, который стали называть «пластмассой Флоренского», а также руководил изданием некоторых томов *Большой технической энциклопедии* (с 1927 по 1933 годы). Велик вклад Флоренского в проект электрификации СССР: сотрудничая с Главэлектро (центральным ведомством, курировавшим осуществление плана ГОЭЛРО), он задействовал все свои знания и весь опыт инже-

29 См. П. А. Флоренский, *У водоразделов мысли*, *ibid.*

нера-электротехника, а также собственные открытия в области материаловедения. Поразительно число научных работ, опубликованных Флоренским в период с 1920 года и вплоть до первого ареста. В них, как и раньше, он не отрекается от своих христианских взглядов, в которых органически сочетаются мотивы, многие из которых попали под нож цензуры как противоречащие официальной идеологической линии. В этом смысле знаменательна работа *Мнимости в геометрии*, которая в своей заключительной части предлагает переосмысление понятия пространства в «Божественной комедии» Данте через призму теории относительности и неевклидовой геометрии. На решение властей цензурировать публикацию этой работы Флоренский отвечает «письмом в политотдел», в котором просит пересмотреть решение, мотивируя это так: «Разрабатывая монистическое мировоззрение, идеологию конкретного, трудового отношения к миру, я был и есть принципиально враждебен спиритуализму, отвлеченному идеализму и такой же метафизике. Как всегда полагал я, мировоззрение дол-

жно иметь прочные конкретно-жизненные корни и завершаться жизненным же воплощением в технике, искусстве и проч. В частности, я отстаиваю неевклидовскую геометрию во имя технических применений в электротехнике»³⁰. Одновременно Флоренский исполнял функции священнослужителя и повсюду ходил в священническом облачении, несмотря на возмущение окружающих и прямой запрет властей.

В атмосфере сравнительного либерализма, которая пришла с окончанием Гражданской войны и продлилась несколько лет, у Флоренского оставалась ниша для реализации его таланта, но к концу двадцатых годов советская власть стала постепенно возвращаться к жестокости и террору, приобретать самые разрушительные тоталитарные формы и, среди прочего, вести радикальную борьбу со всякими проявлениями религиозной культуры. В мае 1928 года Флоренский в первый раз был арестован, попал

30 П.А. Флоренский, «Письмо к цензору» 13.09.1922 г. См.: «О мнимостях в геометрии. Труды по знаковым системам», в: *Труды по знаковым системам*, вып. 284, Тарту, 1971, с. 502.

в опасную уголовную среду и был осужден как «мракобес», то есть человек, представляющий «крайнюю опасность для советской власти», на три года ссылки в Нижний Новгород (через несколько месяцев приговор был отменен). Вернувшись в Москву, Флоренский продолжил свои философские, научные и богословские изыскания, сосредотачивая внимание преимущественно на неэвклидовых геометриях и их метафизических и научных импликациях, а также на вопросах теоретической физики. Но его ждал новый процесс и новые обвинения в обскурантизме и невежестве, за которыми стояло убеждение, что «поп-мракобес» не может быть компетентным в области точных наук. 26 февраля 1933 года его вторично арестовывают и отправляют в тюрьму на Лубянке, а затем — после приговора к 10 годам лагерей — сначала на научную станцию в Сковородино, а затем на Соловки, где на месте древнего монастыря был создан советский ГУЛАГ. Но даже в этой труднейшей ситуации Флоренский умудрялся находить силы для занятий наукой: исследований вечной мерзлоты, добычи йода и агар-агара из морских

водорослей. Ему даже удалось сделать в лагере около десятка научных открытий, в числе которых изобретение незамерзающего машинного масла. Отец Павел Флоренский пал жертвой советской тоталитарной машины³¹. Он был расстрелян 8 декабря 1937 года под Ленинградом, хотя точное место его гибели до сих пор неизвестно.

31 Подробные документальные свидетельства этого последнего периода в жизни Флоренского собраны в томе переписки из лагеря: Священник Павел Флоренский, «Письма с Дальнего Востока и Соловков», в: *Сочинения*, т. 4.